

**ТРАДИЦИОННЫЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОБРЕ И ЗЛЕ
И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЧУВАШСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить национально-культурные особенности репрезентации концептов «добро» и «зло» в чувашской языковой картине мира. В работе применен антропоцентрический подход к анализу языковых явлений. Исследование выполнено на материале, отобранном из лексикографических и фольклорных источников. Моделирование одного из значимых фрагментов чувашской языковой картины мира производится на основе положений когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языка, выдвинутых Е. С. Кубряковой. В работе использованы метод концептуального анализа, дистрибутивный анализ, метод компонентного анализа, а также оппозитивный анализ. Исследование показало, что когнитивные категории добра и зла в традиционном народном сознании функционируют как базовые элементы культурного кода нации. Они характеризуются оппозитивными семантическими отношениями, но при этом образуют единую смысловую парадигму. Эти когнитивные категории получают репрезентацию в языке и дискурсе. Исследование позволило выявить пять основных способов языковой и дискурсивной репрезентации дихотомии «добро – зло» через семантические ряды с выражаемыми обобщенными значениями. Дискурсивная репрезентация добра и зла как важных когнитивных категорий в паремиологическом фонде носит исторический характер и может в определенной степени не соответствовать современным представлениям об этих понятиях. Постулирована возможность расширения когнитивного пространства добра и зла в чувашской языковой картине мира.

Ключевые слова: *дискурс, когнитивная лингвистика, концепт «добро», концепт «зло», репрезентация, чувашская языковая картина мира.*

L. V. Borisova, E. V. Chueva

**TRADITIONAL FOLK IDEAS ON GOOD AND EVIL AND THEIR REPRESENTATION
IN THE CHUVASH LINGUISTIC WORLDVIEW**

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article attempts to identify the features of national culture in the representation of the concepts of “good” and “evil” in the Chuvash linguistic worldview. The study employed an anthro-

po-centric approach to the analysis of the linguistic phenomena and is based on the material selected from lexicographic and folklore sources. Modeling of one of the most significant fragments of the Chuvash linguistic worldview is based on the provisions of the cognitive approach to language analysis put forward by E. Kubryakova. The authors used the method of conceptual analysis, distributive analysis, component analysis, and opposition analysis. The study showed that the cognitive categories of good and evil in the traditional folk ideas function as basic elements of the cultural code of the nation. They are characterized by oppositional semantic relations, but they form a single semantic paradigm. The study revealed five main ways of linguistic and discursive representation of the conceptual opposition “good – evil” through semantic series with expressed generalized meanings. The discursive representation of good and evil as important cognitive categories in the Chuvash folklore is historical in nature and may to some extent not correspond to modern ideas about these concepts. The paper states the possibility of expanding the cognitive space of good and evil in the Chuvash linguistic worldview.

Keywords: *discourse, cognitive linguistics, the concept of “good”, the concept of “evil”, representation, Chuvash linguistic worldview.*

Введение. Предметом наших изысканий стали когнитивные категории «добро» и «зло» как элементы традиционного народного сознания чувашского этноса.

Цель исследования состоит в выявлении национально-культурных особенностей репрезентации ключевых мировоззренческих категорий добра и зла в чувашской языковой картине мира путем когнитивно-дискурсивного анализа чувашских паремий.

Репрезентация когнитивных категорий морально-этической сферы в русском языке стала объектом внимания лингвистов на рубеже XX–XXI веков. Одними из первых стали исследование В. И. Харитоновой «Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского языка» [18] и работа Н. Д. Арутюновой «О стыде и совести» [2]. Семантический анализ лексики нравственно-оценочного ряда на материале древнерусских памятников XI века был выполнен В. А. Матвеевко [12].

В настоящее время интерес лингвистов к данной проблематике не угасает. На материале русского языка выполнены исследования А. Р. Ерошенко [8], У. А. Савельевой [15] и О. В. Ситниковой [16]. Репрезентация концепта «добрый» в английском языке была изучена Е. Ю. Мокрушиной [13].

В современном языкознании в связи с активным развитием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии широкое распространение получили сопоставительные исследования когнитивных категорий морально-этической сферы, выполненные на материале различных языков. В частности, анализ концепта «добро» на материале русского и чувашского языков выполнен Л. В. Лотря [11], дискурсивная репрезентация этноспецифики французских и русских концептосфер «добро» и «зло» исследована О. Н. Георгиевой [6], концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира проанализирован Б. Г. Шахмановой [19], лингвокультурная специфика концептов «правда» и «ложь» в русской и кабардинской паремииологических картинах мира стала основным объектом изучения Ж. И. Апековой [1], концепт «обман» в русской, английской и немецкой языковых картинах мира проанализирован И. Э. Федониной [17], особенности языковой концептуализации духовных ценностей социума на материале русского и испанского языков исследованы И. В. Рус-Брюшиной [14]. Сопоставительный концептуальный анализ лексем «зло» на материале русского и чувашского языков выполнен Л. В. Борисовой [4], [5].

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена применением антропоцентрического подхода к анализу языковых явлений, а также изучением национально-культурных особенностей языкового моделирования мира с позиций когнитивной лингвистики. Неспорима значимость исследования языка как средства доступа к разуму человека и к тем ментальным процессам, которые осуществляются в его мозгу, подчеркиваемая многими

авторитетными специалистами в области когнитивной лингвистики: Е. С. Кубряковой [9], Р. Келлером [24], Ж. Фоконье [23], У. Чейфом [22] и др. У последнего имеются все основания назвать язык «лучшим окном в знание» [22, с. 109]. При несомненных успехах, достигнутых современной когнитивной лингвистикой, приходится констатировать, что в настоящее время языковая картина мира чувашского этноса не реконструирована. Этот факт обуславливает не только актуальность, но и научную новизну нашей работы.

Материал и методы исследования. Исследование выполнено на материале примеров, отобранных из составленного Н. И. Ашмариним «Словаря чувашского языка» [3] и из сборников чувашских пословиц и поговорок [20], [21]. Источником русских паремий стал составленный В. И. Далем сборник «Пословицы русского народа» [7].

Методологическую основу работы составил введенный в лингвистику Е. С. Кубряковой когнитивно-дискурсивный подход к исследованию языковых явлений [9]. В работе использованы метод концептуального анализа, дистрибутивный анализ, включающий приемы сегментации и субституции, метод компонентного анализа, а также оппозитивный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Понятия «добро и зло» являются концептообразующими языковыми единицами, имеют универсальный характер и в сознании любого народа определяются как базовые элементы культурного кода нации. Они характеризуются оппозитивными семантическими отношениями, но при этом образуют единую смысловую парадигму. В зависимости от ряда условий они могут по-разному репрезентироваться как в языке, так и в тексте, что подтверждается представленным материалом. Языковая репрезентация добра и зла как значимых категорий в пословичном фонде носит исторический характер и может в определенной степени не соответствовать современным представлениям об этих понятиях. Это связано с тем, что добро и зло как семантические символы отражают особенности взаимодействия христианских представлений с дохристианскими, т. е. языческими, и обнаруживают определенные различия в русском и чувашском языках.

В русском языковом сознании «добро» и «зло» – это морально-этические категории, изначально несущие в себе нравственно-оценочный потенциал. В архетипических представлениях чувашского этноса «ыра» и «усал» мыслились в первую очередь как некие живые существа, языческие боги, т. е. рассматриваемые категории характеризовались сакральной, культовой принадлежностью.

«Ыра» дословно означает «Бог, добрый дух», а «усал» – «черт, дьявол». Ср. чувашскую пословицу *Ылтан хыçёнче усал пытанса пурънатъ* «За золотом прячется дьявол» [3, с. 92]. По этой причине перевод некоторых русских пословиц на чувашский язык может быть затруднительным. Например, в русской пословице *Добро ищи, а худо само придет* слово «худо» имеет значение «несчастье», тогда как в буквальном переводе этой пословицы на чувашский язык *Ыррине шыра, усалли хӑех килет* слово «усал» будет выступать в значении «черт, дьявол». Это означает, что в чувашском языке категории добра и зла являются результатом предметного мышления нации, тогда как в русском языке они в большей степени абстрактны.

Семантический каркас поля «добро и зло» образуют семантические группы, в которых обнаруживаются различные линии, определяющие внутренние отношения конституэнтов.

Представляется возможным выделить способы языковой репрезентации дихотомии «добро – зло» через семантические ряды с выражаемыми обобщенными значениями.

1. Способы выражения добра и зла через ассоциативно-чувственное восприятие.

Чувственное восприятие понятий «добро» и «зло» в чувашских паремиях осуществляется как через прямую, так и через вторичную номинацию, а также опосредованно при участии других понятийных единиц. Значительную долю среди них составляют

пословицы о злом взгляде, через описание которого показываются суть и характер самого зла. Сравните: *Усал куç юман йывăçне те хăртма пултартать* 'От злого взгляда и дуб может засохнуть' [21].

Важной особенностью паремиологического дискурса, по мнению исследователей, является его бессубъектность и безадресность, когда «наблюдается отражение не субъективных мнений и оценок, а некоей обобщенной точки зрения, основывающейся на усредненных представлениях членов конкретного этнокультурного социума об организации жизнедеятельности» [10, с. 123]. По этой причине в конце многих пословиц можно встретить слова *тет* 'говорит' и *теççĕ* 'говорят'. Таким способом ответственность за сказанное как бы перекладывается на третье лицо или коллективный ум. Например: *Усал автанăн сăмси юнлă тет* 'Говорят, у злого петуха нос всегда в крови'; *Аркăпа усал пĕр йышши инкек: иккĕшĕ те урана сыхлантараççĕ, теççĕ* 'Говорят, подол платья и зло – одинаковые несчастья: оба ноги связывают' [21].

2. Способы выражения добра и зла через социально оценочное восприятие.

Как показывают результаты исследования, социально оценочное восприятие категорий добра и зла в русском и чувашском языковом сознании не совпадает. Следует подчеркнуть, что оценка категорий, моделирующих духовную жизнь, не зависит от воли или мнения отдельного субъекта, она определяется условиями жизни общества в целом и имеет социально обусловленный характер. В русских пословицах доминирует сила добра, которая может воздействовать на зло и даже побеждать его. Ср.: *Добро худо переможет; Не устоять худу против добра* [7]. В чувашских пословицах устойчиво прослеживается мысль, что добра в мире мало, оно не является доминирующей силой. Например: *Ырă килмĕ, усал каймĕ* 'Добро не придет, а зло не уйдет' [21].

В дохристианском чувашском мировосприятии доминантной силой являлись прежде всего злые духи (*Киремет, Вупăр, Шуйттан* и др.), которым приносили в жертву быков и баранов и посвящали обряд *чĕк* (коллективное моление с жертвоприношением). Во время молений злых духов пытались задобрить, их просили о заступничестве, о спокойной жизни без вмешательства темных сил.

Исторически жизнь чувашского народа складывалась непросто, в разные времена люди находились под сильным внешним давлением. Возможно, именно поэтому в чувашском фольклоре зло играет более важную роль, чем добро. Оно персонифицировано и намного сильнее, быстрее, страшнее и жизнеспособнее добра. Эту мысль подтверждают многие пословицы и поговорки, например *Усал виçĕ лашапа сÿрет, ырă суран сÿрет* 'Зло на тройке лошадей скачет, а добро пешком ходит' [20]. Это свойство обнаруживается и в русских пословицах, но единично. Ср.: *Добро не лихо: бродит по миру тихо* [7].

В русском языке лексема «бог» реализуется через смысловой компонент «высшая сила». Бог воспринимается как основатель всего сущего, самого бытия, он определяет жизненный путь человека и покровительствует ему. Сравните: *Доброму Бог помогает* [7]. Однако в чувашских пословицах можно обнаружить мысль о том, что зло абсолютно и непобедимо, более того, оно может доминировать над Богом или равняться ему. Эту мысль подтверждает следующий пример: *Усал Турăран хăватлă* 'Зло сильнее Бога' [20].

3. Категории добра и зла как средство характеристики людей.

Ценностная составляющая понятий добра и зла тесно связана с человеком, его внутренним миром, деятельностью в различных жизненных ситуациях, что подтверждается многими пословицами. Среди них можно выделить несколько семантических групп по выражаемому обобщенному значению:

1) пословицы с обобщенным значением «добрых людей любят»: *Ыр сын килсен савăнăç* 'Приход доброго человека – счастье'; *Ыр сынна пĕтĕм тĕнче тăван* 'Доброму человеку весь мир – родня' [21];

2) пословицы с обобщенным значением «добрый человек думает не только о себе» в чувашском и русском языках очень похожи: пословица *Лайăх сыншăн ют сын чир-чĕрĕ те чĕре патне пырат* [20] является прямым переводом русской пословицы *Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу* [7];

3) пословицы с обобщенным значением «доброму человеку многого не надо»: *Ыр сын сахалтах тутă пулат, усал нумайна та тăранмасть* ‘Добрый человек и малым сыт, злой и многим не наедается’ [20]; ср. русскую пословицу *Доброму и сухарь на здоровье, а злому и мясное не впрок* [7];

4) пословицы с обобщенным значением «добрый человек всегда добрый»: *Ыр сын хуть аста та ыра* ‘Добрый человек, где бы он ни был, – добрый’ [20]; ср. русскую пословицу *Светлый человек не делает темных дел* [7].

Пословиц с компонентом «зло» в фольклорном пространстве больше, их можно объединить в следующие семантические группы:

1) пословицы с обобщенным значением «злые люди есть везде»: *Пĕрене сурăксăр мар, халăх усалсăр мар тет* ‘Бревно не без трещины, народ не без зла’ [20]; сравните русскую пословицу *В чернолесье не без зверя, в людях не без лиха* [7];

2) пословицы с обобщенным значением «злой человек страшнее всего на свете»: *Усал йытă ураран сыртать, усал сын пуца касать* ‘Злая собака за ногу укусит, злой человек голову отгрызет’; *Усала хирĕс – хĕрес, сыснана хирĕс – патак, усал сынна хирĕс ним те сук* ‘От черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека – ничем’ [20]. Как видим, в чувашском языковом сознании укоренена идея о том, что злой человек более опасен в своих деяниях, нежели любое другое живое существо;

3) пословицы с обобщенным значением «злые люди дольше живут»: *Усал сын тĕнче пĕтсен те виçĕ кун пурăн* ‘Злой человек и после конца света еще три дня проживет’ [20];

4) пословицы с компонентом «влияние внешнего фактора»: *Сын ыра курсан – ыра пулат, усала курсан – усал пулат теççĕ* ‘Если человек видит добро, станет добрым, а если видит зло – злым’ [20].

4. Добро и зло как самостоятельные деятельностные субъекты.

Когнитивные категории «добро» и «зло» в чувашской языковой картине мира могут определяться как самостоятельные субъекты действия, причем зло выступает как активный деятель. Иллокутивный характер высказывания четко проявляется в таких пословицах, в которых с помощью императивной формы глагола эксплицируется значение наказа, повелевания, призыва не говорить о зле: *Усала ан асăн, усал: «Мана чĕнеççĕ», — тесе шутлама пултарать* ‘Зло не упоминай, зло может подумать, что его зовут’ [20].

Можно выделить следующие семантические группы паремий:

1) пословицы с обобщенным значением «зло везде пролезет»: *Усал ура айĕнчен тухать* ‘Зло и из-под земли вылезет’ [21];

2) пословицы с обобщенным значением «зла в мире намного больше, чем добра»: *Ырри сахал, усалли тĕнче тулли* ‘Доброго мало, а злом полон мир’ [20];

3) пословицы с обобщенным значением «к добру всегда зло липнет»: *Ырри сумне усалли явăсать* ‘К добру всегда зло липнет’ [20]; ср. русскую пословицу *За добрым делом находишься, худое само навяжется* [7];

4) пословицы с обобщенным значением «зло внешне обманчиво»: *Усал сасси чуна йăпатса шĕртет тет* ‘Говорят, у черта (зла) голос очень приятный’ [21];

5) пословицы с обобщенным значением «зло добрым не бывает, в любой ситуации оно остается злом»: *Ырăран ыра кĕт, усалтан усал кĕт* ‘От добра жди добра, от зла жди зла’ [20].

Важно отметить, что в русском языковом сознании бессмертным является добро, тогда как в чувашском – зло. Сравним: *Усала вилĕм сук* ‘Злу нет смерти’ [21]; *Добро*

не умрет, а зло пропадет [7]. В чувашских пословицах подчеркивается, что злые люди живут намного дольше добрых: *Ыр сын вилсе пётсен те усал тата виç кун пурăнĕ теççĕ* 'Если даже добрые люди все умрут, злые еще три дня жить будут' [20].

5. Характеристика добра и зла через оценочное отношение людей.

Добро и зло могут восприниматься и оцениваться через поведенческую деятельность людей. Исходя из этого, в зоне семантического поля «добро – зло» можно выделить следующие семантические группы:

1) пословицы с обобщенным значением «с добрыми людьми надо сближаться, а со злыми лучше не связываться»: *Лайăх сынна сын юратса пурăнать теççĕ* 'Доброго человека люди любят'; *Усал сынна вилтăпри те юнашар ан пултăр теççĕ* 'Говорят, чтобы и могила не была рядом с могилой злого человека' [21].

2) пословицы с обобщенным значением «зло надолго остается в памяти людей, а добро быстро забывается»: *Пулнă усал хуллен-хуллен асран каять* 'Былое зло медленно-медленно из памяти уходит', *Ыр туни час манăçать* 'Доброе дело быстро забывается' [20]. В русских пословицах делается акцент на том, что добрым людям не нужно помнить зло: *Тому тяжело, кто помнит зло* [7].

Необходимо отметить, что в чувашских пословицах добро и зло представлены как альтернативы нравственной работы человека над собой. Сравните: *Усала часах вĕренĕ, ыррине вĕренме часах мар* 'Злу ты быстро научишься, а доброте учиться нужно долго' [20].

Очевидно, что отношение к злу у людей всех национальностей негативное. В чувашском фольклоре ярко выделяются пословицы с идеей о том, что никогда не нужно связываться со злом, а если человек все же связался, то это предвещает ему тяжелую, безрадостную судьбу. В качестве примера приведем пословицу *Усал ёçне çурекен ырĕ ку-рас çук* 'Совершающий зло добра не увидит' [21].

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Категории добра и зла составляют определенный фрагмент концептуальной картины мира этноса, соотносимый, с одной стороны, со сферой человеческой когниции, а с другой – с особенностями национальной культуры.

2. Эти категории характеризуются оппозитивными семантическими отношениями, но при этом образуют единую смысловую парадигму.

3. Лексемы «добро и зло» являются концептообразующими языковыми единицами, имеют универсальный характер и в сознании любого народа определяются как базовые элементы культурного кода нации.

4. Языковая репрезентация добра и зла как важных категорий в пословичном фонде носит исторический характер и может в определенной степени не соответствовать современным представлениям об этих понятиях. Это связано с тем, что добро и зло как семантические символы отражают особенности взаимодействия христианских представлений с дохристианскими, т. е. языческими, и обнаруживают определенные различия в русском и чувашском языках. В русском языковом сознании «добро» и «зло» – это морально-этические категории, изначально несущие в себе нравственно-оценочный потенциал. В архетипических представлениях чувашского этноса «ырă» и «усал» мыслились в первую очередь как некие живые существа, языческие боги, т. е. рассматриваемые категории характеризовались сакральной, культовой принадлежностью.

5. В чувашской мифопоэтической картине мира категории добра и зла становятся результатом предметного мышления нации, тогда как в русском языковом сознании они в большей степени абстрактны.

6. В картине мира чувашского этноса зло представляет собой абсолютное начало, более сильное и могущественное, чем добро, что не противоречит мировым представлениям об этом категориальном понятии.

7. Ценностные ориентиры добра и зла соотносятся в сознании людей с жизненными или поведенческими ситуациями, в которых проявляются.

Все вышесказанное позволяет констатировать, что применение когнитивно-дискурсивного подхода на ограниченном сегменте языковой системы (категории добра и зла) подтверждает плодотворность выбранной методики для анализа сложных когнитивных категорий, а предпринятое исследование позволит дополнить и расширить границы смыслового поля «добро – зло» в пространстве чувашской языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апекова Ж. И. Лингвокультурная специфика концептов «правда» и «ложь» в русской и кабардинской паремнологических картинах мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Нальчик, 2009. – 187 с.
2. Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 9–19.
3. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. Т. 3 (Е, Ы, И, У (О)). – Чебоксары : Руссика, 1994. – 364 с.
4. Борисова Л. В. О некоторых лексических значениях слова «зло», не указанных в толковых словарях современного русского языка // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : сборник статей Международной научной конференции. – Чебоксары : Изд-во Чувашского университета, 2006. – С. 156–159.
5. Борисова Л. В. Концептуальный анализ леммы «зло» (русско-чувашские параллели) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2014. – № 2. – С. 88–100.
6. Георгиева О. Н. Дискурсивная репрезентация этноспецифики французских и русских концептосфер «bien» / «добро» и «mal» / «зло» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Волгоград, 2010. – 294 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. Т. 1. – М. : Художественная литература, 1984. – 383 с.
8. Ерошенко А. Р. Морально-нравственная сфера как объект и результат языковой концептуализации: лингвокультурный и когнитивный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Ставрополь, 2007. – 290 с.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
10. Кулькова М. А. Русские и немецкие паремии: когнитивно-дискурсионный подход к изучению. – Казань : Печать-Сервис – XXI век, 2012. – 214 с.
11. Лотря Л. В. К вопросу об этническом своеобразии языковой концептуализации мира (сопоставительный семантический анализ русского слова «добро» и чувашского «ырă») // Проблемы этнолингводидактики в поликультурной среде : материалы Международной научно-практической конференции. – М. ; Чебоксары : Изд-во Чувашского университета, 2004. – С. 274–279.
12. Матвеев В. А. Лексика нравственно-оценочного ряда в древнерусском памятнике XXI века // Логический анализ языка. Языки этики. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 363–372.
13. Мокрушина Е. Ю. Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Кемерово, 2008. – 196 с.
14. Рус-Брюшина И. В. Особенности языковой концептуализации духовных ценностей социума: лингвокультурный и лингвострановедческий аспекты: на материале испанского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Ставрополь, 2010. – 196 с.
15. Савельева У. А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Астрахань, 2008. – 211 с.
16. Ситникова О. В. Лексика морально-нравственного содержания в русском языке новейшего периода и ее отражение в языковом сознании современных носителей русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Воронеж, 2009. – 238 с.
17. Федюнина И. Э. Концепт «обман» в русской, английской и немецкой языковых картинах мира, репрезентируемых фразеологизмами : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Белгород, 2009. – 207 с.
18. Харитонов В. И. Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Белгород, 1997. – 180 с.
19. Шахманова Б. Г. Морально-этический концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира: на материале фразеологических и паремнологических единиц : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Махачкала, 2008. – 170 с.
20. Чăваш халăх пултарулахĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О. Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2007. – 493 с.
21. Чăваш халăх сăмахлахĕ : 6 т. 5 т. Вак жанрсем / отв. ред. Г. Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1985. – 352 с.
22. Chafe W. L. Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // Preprints of the plenary session papers : XIV International Congress of linguists. – Berlin, 2017. – P. 88–110.

23. Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology. – N.Y., 2009. – P. 95–124.
24. Keller R. A Theory of Linguistic. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 264 p.

Статья поступила в редакцию 10.09.2020

REFERENCES

1. Apekova Zh. I. Lingvokul'turnaya specifiika konceptov «pravda» i «dozh'» v russkoj i kabardinskoj paremiologicheskikh kartinah mira : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Nal'chik, 2009. – 187 s.
2. Arutyunova N. D. O styde i stuzhe // Voprosy yazykoznaniya. – 1997. – № 2. – S. 9–19.
3. Ashmarin N. I. Slovar' chuvashskogo yazyka : v 17 t. T. 3 (E, Y, I, U (O)). – Cheboksary : Russika, 1994. – 364 s.
4. Borisova L. V. O nekotoryh leksicheskikh znacheniyah slova «zlo», ne ukazannyh v tolkovykh slovaryah sovremennogo russkogo yazyka // Chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Cheboksary : Izd-vo Chuvashskogo universiteta, 2006. – S. 156–159.
5. Borisova L. V. Konceptual'nyj analiz leksemy «zlo» (russko-chuvashskie paralleli) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda. – 2014. – № 2. – S. 88–100.
6. Georgieva O. N. Diskursivnaya reprezentaciya etnospecifiki francuzskih i russkikh konceptosfer «bien» / «dobro» i «mal» / «zlo» : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Volgograd, 2010. – 294 s.
7. Dal' V. I. Posloviy russkogo naroda : v 2 t. T. 1. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1984. – 383 s.
8. Eroshenko A. R. Moral'no-nravstvennaya sfera kak ob'ekt i rezul'tat yazykovoj konceptualizacii: lingvokul'turnyj i kognitivnyj aspekty : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Stavropol', 2007. – 290 s.
9. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 560 s.
10. Kul'kova M. A. Russkie i nemeckie paremi: kognitivno-diskursionnyj podhod k izucheniyu. – Kazan' : Pechat'-Servis – XXI vek, 2012. – 214 s.
11. Lotrya L. V. K voprosu ob etnicheskom svoeobrazii yazykovoj konceptualizacii mira (sopostavitel'nyj semanticheskij analiz russkogo slova «dobro» i chuvashskogo «yrä») // Problemy etnolingvodidaktiki v polikul'turnoj srede : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. – M. ; Cheboksary : Izd-vo Chuvashskogo universiteta, 2004. – S. 274–279.
12. Matveenko V. A. Leksika нравственно-оценочного ряда в древнерусском памятнике XXI века // Logicheskij analiz yazyka. Yazyki etiki. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 2000. – S. 363–372.
13. Mokrushina E. Yu. Koncept «dobryj» kak eticheskij fenomen lingvokul'tury: na materiale anglijskogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Kemerovo, 2008. – 196 s.
14. Rus-Bryushina I. V. Osobennosti yazykovoj konceptualizacii duhovnyh cennostej sociuma: lingvokul'turnyj i lingvostranovedcheskij aspekty: na materiale ispanskogo i russkogo yazykov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Stavropol', 2010. – 196 s.
15. Savel'eva U. A. Arhetipicheskij lingvokul'turnyj koncept «predatel'stvo» : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Astrahan', 2008. – 211 s.
16. Sitnikova O. V. Leksika moral'no-nravstvennogo sodержaniya v russkom yazyke novejshego perioda i ee otrazhenie v yazykovom soznanii sovremennyh nositelej russkogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Voronezh, 2009. – 238 s.
17. Fedyunina I. E. Koncept «obman» v russkoj, anglijskoj i nemeckoj yazykovykh kartinah mira, reprezentiruemykh frazeologizmami : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Belgorod, 2009. – 207 s.
18. Haritonov V. I. Konceptual'nyj analiz fol'klornoj leksiki, harakterizuyushchej нравstvennyj mir russkogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Belgorod, 1997. – 180 s.
19. Shahmanova B. G. Moral'no-eticheskij koncept «sovest'» v kumyjskoj i russkoj yazykovykh kartinah mira: na materiale frazeologicheskikh i paremiologicheskikh edinic : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Mahachkala, 2008. – 170 s.
20. Chävash haläh pultarulähë. Vattisen sämahësem / O. N. Terent'eva puhsa hatërlenë. – Shupashkar : Chävash këneke izdatel'stvi, 2007. – 493 s.
21. Chävash haläh sämahlähë : 6 t. 5 t. Vak zhanrsem / otv. red. G. F. Yumart. – Shupashkar : Chävash këneke izdatel'stvi, 1985. – 352 s.
22. Chafe W. L. Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // Preprints of the plenary session papers : XIV International Congress of linguists. – Berlin, 2017. – P. 88–110.
23. Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology. – N.Y., 2009. – P. 95–124.
24. Keller R. A Theory of Linguistic. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 264 p.

The article was contributed on September 10, 2020

Сведения об авторах

Борисова Людмила Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Чуева Эльвира Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: 570065@mail.ru

Author information

Borisova, Lyudmila Valentinovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Chueva, Elvira Vitalyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: 570065@mail.ru